

## ЖЕНСКИЙ ИСЛАМИЗМ\*

© 2018 Г. БАЛТАНОВА

DOI: 10.31857/S032150750000499-0

Практически впервые в мировом исламоведении вводится понятие «исламистка», которое наполнилось реальным содержанием в деятельности Исламского государства (ИГ). Женщины-исламистки выступают ныне не только исполнителями, но и организаторами терактов. Они считают своим главным врагом даже не западный гегемонизм, а погрязшую в коррупции, смуте и грехе мусульманскую Умму, отвергая диалог с обоими. Таким образом, речь идет о принципиально новом понимании роли женщины в мусульманском обществе и ее статуса в семье.

Ключевые слова: исламизм, исламистки, «Исламское государство», идеология женского исламизма, мотивации становления исламисток, противостояние исламистской пропаганде

## FEMALE ISLAMISM

**Gulnar R. BALTANOVA**, Dr.Sc. (Philosophy), Professor, Kazan State Energetic University (baltanova2014@yandex.ru)

The growth of Islamic extremism in the world, the threat of its penetration into the territory of the Russian Federation raises the task of building a scientifically grounded system of counterpropaganda. In this regard, the author for the first time in the world Islamology introduces the concept of a woman-Islamist, which was filled with real content in the activities of the «Islamic State». Already in the end of 2015 - beginning of 2016 women-Islamists acted not only as performers of terrorist acts, but also as their organizers, independent of men's will. This testified to the violation of traditional gender relations. It turned out that modern Islamists consider not even Western hegemony as their main enemy, but the Muslim Ummah, which is mired in corruption, fitna and sinful. Thus, for fifty years of its existence - since the establishment of the Lebanese Shiite organization Hezbollah - female Islamism has gone from the motives of «secondary» motivation (revenge for the deceased father, husband, etc.) to «primary» motivation, i.e. decision, taken as a result of my own thoughts. This was reflected, among other things, in the formation of the ideology of female Islamism, which rejects any dialogue with both the West and the rest of the world of Islam, which women-Islamists believe is unbelief and polytheism (shirk). Women-Islamists make their own decision to participate in the struggle, form their strategy based on women's Islamist archetypes, organize their actions and subsequently count on active participation in radical movements or political entities, independent of men's will. In other words, we are talking about a fundamentally new understanding of the role of women in a Muslim society and its status in the family.

Keywords: Islamism, women-Islamists, the «Islamic State», ideology of female Islamism, motivation for the becoming women-Islamists, opposition to Islamist propaganda

**Актуальность исследования женского исламизма обусловлена необходимостью выстроить эффективную, научно обоснованную систему контрпропаганды. Эта необходимость диктуется ростом исламского радикализма, международного исламизма, терроризма и угрозы их проникновения на территорию РФ.**

Важнейшей стороной современных исламистских движений и группировок является их информационная стратегия, которая признана эффективной всеми международными экспертами. Однако до настоящего времени не существует исследования женской исламистской информационной стратегии. Между тем, женский ресурс приобретает все большее значение в деятельности исламистских движений и террористических группировок. А в последнее время исламистская интернет-пропаганда распространилась и на женское население России.

Термин «исламистка» мы не встретим в лексиконе самих участниц радикальных женских движений и организаций в мусульманском мире. До последнего времени он циркулировал, главным образом, в западных массмедиа. Среди женских названий и самоназваний имеются такие понятия, как *мухаджират* - мусульманка, совершившая хиджру - религиозную миграцию; *муджахидат* - участница джихада; *шахидат* - погибшая в войне за веру, наконец, *муваххидат* - сторонница строгого монотеизма. И это далеко не полный пере-

БАЛТАНОВА Гульнар Равильевна, доктор философских наук, профессор, Казанский государственный энергетический университет. РФ, Республика Татарстан, 420034, Казань, Красносельская ул., 51 (baltanova2014@yandex.ru)

\* От редакции. Ввиду скоростной кончины автора оформить данную статью в соответствии с требованиями журнала не представилось возможным.

чень современной радикальной мусульманской терминологии.

Исламизм и исламистка - термины из российского и западного исследовательского словаря, понятия из немусульманского контекста. С ними и с обоснованностью их использования нам также предстоит разобраться. И, скорее всего, они будут отвергнуты теми, кого мы так аттестуем. Но то, что между привычным для нас понятием мусульманка и пока еще не очень привычным - исламистка - имеются существенные различия и непримиримые противоречия, очевидно.

В мусульманском мире ученые-фундаменталисты, идеологи и даже оппоненты радикализма понятие исламизм не употребляют. В их рассуждениях мы встретим такие определения, как *ваххабиты, салафиты, хариджиты, такфиристы, джихадисты* и многие другие. Но за всей терминологией кроется очевидный факт: исламизм, как бы мы его ни называли, - это современная идеология и политическая доктрина, которая берет за основу главные понятия ислама, произвольно их трактует и формирует собственную социально-политическую концепцию - халифатизм.

Наибольшего размаха деятельность исламисток достигла в Исламском государстве, потому и наше внимание будет в большей мере акцентировано именно на данном феномене. Но сразу же хочу оговориться, что понятие «женский исламизм» гораздо шире, чем женский исламизм ИГ.

Если учесть, что многие западные и российские эксперты предсказывают неизбежное столкновение России с исламским радикализмом - как внешним, так и внутренним, то выбранная нами тема выходит за рамки профессионального академического исследования и приобретает идеологическую остроту. Она имеет важное стратегическое значение для укрепления мира и стабильности нашей страны.

Вектор мировой политики в отношении ИГ разворачивается диаметрально противоположно, опровергая предсказания самых маститых экспертов и политологов во всем мире. Кроме того, исследователь вынужден собирать материал в условиях самой настоящей информационной войны всех против всех, когда не только выводы, но нередко и описания событий противоречат друг другу. И, конечно, информационной блокады, что также осложняет исследовательские задачи.

Если вчера виртуальное пространство буквально взрывалось от агрессивного напора электронных изданий, постов, блогов, чатов идеологов исламизма, боевиков ИГ и их сторонников во всех странах мира, то сегодня их основные электронные ресурсы заблокированы. Что, впрочем, не мешает им находить новые пути и активно раскидывать новые сети.

Эксперты указывают, что в течение последних 6 лет только на языках народов бывшего Советского Союза вели пропаганду около 57 тыс. исламистских сайтов. Около 50 тыс. были заблокированы. Тем не менее, многие остались, а другие возобновили свою деятельность по новым адресам и

под новыми именами. Сегодня большинство из них ведут пропаганду от имени ИГ и активно вербуют сторонников как для миграции, так и активизации деятельности внутри своих стран.

Большинство переводных и аналитических материалов, опубликованных западными контртеррористическими и стратегическими центрами, естественно, преследует цели тех политических сил и организаций, которые за ними стоят. Те, кто еще вчера относились к исламистам как к очередным региональным группировкам террористов, сегодня рассматривают их как грядущую мировую силу и фактор угрозы не только международной безопасности, но и внутренней стабильности любой страны, вне зависимости от того, имеет она мусульманское население или нет.

Территориальная удаленность также не является препятствием для исламистов, в т.ч. идеологов ИГ, ни в пропагандистском, ни в террористическом плане. Раскинутые ими сети, в т.ч. и виртуальные, позволяют говорить о продуманной стратегии. Поэтому, если говорить об антиисламистской пропаганде, то она затрудняется тем, что слишком много политических сил стремится использовать группировки в своих ближневосточных интересах и планах.

Проблематика, связанная с исламизмом, расширяется: их связи с заказчиками и партнерами, противоречия с исламскими и фундаменталистскими организациями, военные и экономические операции; погромы и кровавые преступления, террористические акции в Европе, Африке, Азии и поток мигрантов, угрожающий благополучию всего мира. Весь этот клубок проблем выбивает из академического хладнокровия даже тех, кто профессионально занимается вопросами исламоведения, постоянно следит за тенденциями развития мусульманского мира, новыми движениями и организациями, разворачивающимися под исламскими знаменами разных цветов.

Страницы мировых средств массовой информации пестрят броскими заголовками: «Исламское государство Ирака и Леванта - а исламское ли оно?», «Чего хочет ИГИЛ», «Чего на самом деле хочет Исламское государство?» и даже «ИГ - иблисское государство» (от имени Иблис, что означает дьявол).

Смысл большинства подобных публикаций, авторы которых не просто задались целью напугать мирных жителей, перечисляя зверства и погромы боевиков ИГ, - в попытках понять его цели и сущность. Главный вопрос заключается в том, чтобы определить, насколько обоснованы их спекуляции вокруг важных исламских постулатов и понятий, и каково влияние на мусульманские общины и движения разных стран.

В статье «Чего хочет ИГИЛ» приводится ссылка на слова профессора Принстонского университета Б.Хайкаля о том, что никакого ислама «вообще» не существует. Есть конкретные мусульмане, и есть конкретные принципы, которые они защищают (см.: The Atlantic. March 2015). Что касается названия статьи уважаемого американского

эксперта, то мы вправе были ожидать постановки в его статье еще одного вопроса: а чего хочет США от ИГИЛ и от Сирии, от Ирака и Турции, да и от России, пожалуй, тоже? Впрочем, на этот вопрос ответ найти еще труднее, т.к. политика США в отношении ИГ и регионе, в целом (по крайней мере, на первый взгляд), не отличается последовательностью.

Важнейшей причиной, которая заставила весь мир заговорить о женском исламе как о набирающем силы феномене, явилась серия массовых террористических актов в разных странах мира в конце 2015 - начале 2016 гг. (Европа, Нигерия и Буркина Фасо), где женщины-исламистки выступили не только как исполнительницы терактов, но и их организаторы. Активизировались дискуссии в реальном и виртуальном форматах о женском джихаде, о женской хиджре, о террористках-смертницах, об обосновании женской самостоятельной активности (в т.ч. военной) в священных источниках и шариате.

Стало очевидно, что женский исламизм вышел из тени и стал самостоятельным явлением. Причем настолько неожиданным и самостоятельным, что часто уже и не нуждающемся в мужском согласии. Стало очевидным также и то, что феномен женского исламизма усложняется, его формы, методы борьбы и идеология становятся все более агрессивными.

Более того, подъем женского исламизма вызывает некоторые опасения, лучше сказать, оторопь даже у мужской части исламистов, которые видят в нем и конкурентов, и угрозу стабильности мусульманской семьи, уммы, если не самого ислама. Об этом свидетельствуют дискуссии самых крупных исламистов о женском джихаде, где сталкиваются полярно противоположные мнения. Одним словом, весь этот широкий спектр мнений, позиций и отношений делает обращение к проблеме женского исламизма оправданным и своевременным.

Специфика исламского понимания свободы женщины, закрепленная в шариате, такова, что любая женская активность довольно сильно ограничена рамками ее мужского окружения: отца, братьев, мужа, сыновей. Исторически женский исламизм и терроризм также были тесно связаны с близкими ей мужчинами. Женщина вступала в террористическую деятельность, побуждаемая либо супругом, реже отцом, либо мотивом мести за их гибель или гибель в войне ее братьев. Это можно видеть на примере палестинских, а затем чеченских радикалистов.

Современный женский исламизм демонстрирует нам совсем другую картину. Женщины-исламистки самостоятельно принимают решение об участии в борьбе, формируют свою стратегию, основанную на женских исламистских архетипах (женщины-воины периода первых мусульманских войн и первых халифов), организуют свои акции и в последующем рассчитывают на активное участие в радикальных движениях или политических образованиях (квазихалифат).

Лидеры женского исламизма совершенно иначе толкуют традиционную гендерную проблематику. Духовное равенство и функциональное различие социальных, экономических и семейных ролей мужчин и женщин, обязанностей, прав и полномочий - это краеугольный камень мусульманского вероучения и шариата по вопросу гендерных взаимоотношений. Изменение ролей, перераспределение функций, о котором говорят исламистки, вызывает справедливые опасения мусульман, т.к. ставит под удар фундаментальные ценности ислама. И как бы это парадоксально ни звучало, дискуссии по поводу женского джихада в мусульманском мире гораздо острее, чем в иной его части. Все эти размышления также обуславливают актуальность исследования.

В настоящий момент существует достаточно много работ, посвященных исламизму и его проявлению в разных странах, изданных как на Западе, так и в России. Женский исламизм отличается по своим целям, формам и методам от известных исламистских и радикальных движений.

Еще раз повторяю, что исламизм - понятие, зародившееся в западном исламоведении и политологии. Его появление было связано с политическими доктринами, движениями, партиями и группировками, которые на первый план выдвигали борьбу с западным гегемонизмом в странах мусульманского мира. Именно этот антизападный, антиимпериалистический потенциал радикальных движений больше всего беспокоил западных политиков и стратегов. Между тем, в настоящий момент исламистки своим главным врагом считают погрязшую в фитне, коррупции и грехе мусульманскую умму!

В самом общем виде, исламизм - это борьба за власть. На первый план он выдвигает лозунг борьбы с врагом, не важно, к какому лагерю он принадлежит. И в этом смысле мы, безусловно, можем отнести женское крыло ИГ к исламизму, т.к. и для них на первый план выходит противопоставление себя мусульманам, которых они обвиняют в отходе от истинной веры, сотрудничестве с глобалистами и их соработниками. Эти обвинения закладывают основу политической и военной борьбы с режимами консервативных мусульманских стран.

Запрещенная террористическая группировка, называющая себя Исламское государство, лишь одна из разновидностей современного исламизма. Тот факт, что в данной публикации я чаще всего обращаюсь именно к ней, связан с тем, что все исламистские лозунги доведены ее идеологами до абсолюта (абсурда). И именно в ИГ женский исламизм получил свое полное (на данный момент) воплощение.

Если представить общую картину того, что пишут сегодня об ИГ, то можно отметить две взаимоисключающие тенденции. Одни предрекают ИГ скорую и несомненную гибель и подтверждают свои выводы тем, что ИГ постепенно теряет свои позиции - территориальные, экономические, демографические (число мигрантов). Это особен-

но очевидно после вступления России в борьбу с ИГ и укрепления антитеррористической коалиции. Эта гибель означает, что исламисты ИГ лишатся своих территорий, военной техники, нефтяного бизнеса, доходов, коммуникаций, численного состава бойцов и сторонников.

Другая группа аналитиков считает, что даже в случае разгрома ИГ на территории Сирии и Ирака исламистские организации будут искать возможность проникновения и размещения на территории других стран. Можно провести аналогию с другими исламистскими движениями и предположить, что женские исламистские и радикальные группы также планируют создавать свои ячейки в различных странах.

Предполагаю, что военная победа над ИГ приведет к тому, что исламизм может перейти в форму террора на территории других стран, даже далеких от непосредственного конфликта. В таком случае борьба с ним станет гораздо более сложной.

Совершенно очевидно, что в этой подпольной террористической стратегии женщинам уже отводится и будет отводиться большая роль. Кроме того, сами женщины самостоятельно включаются в исламистскую деятельность, создавая женские исламистские организации и занимая в них лидирующие позиции.

Современный исламизм совсем не оригинален в своей теоретической платформе - возрождении халифата. Новым является путь к его реставрации - кровавый террор, главным объектом которого на первом этапе стало население мусульманских стран.

Феномен женского исламизма возник недавно, ему около пяти десятков лет. Женский исламизм активизируется, втягивая в орбиту своего воздействия все больше и больше событий, социальных движений, организаций, политиков, богословов, людей обоих полов и всех возрастов, независимо от их отношения к исламскому радикализму, но особенно молодежь. Разброс реакций по поводу данного феномена колоссальный - от жгучей неприязни, страха, непонимания до фанатичного подражания.

В своих предыдущих книгах и статьях я говорила, что в отношении роли мусульманки в XXI в. будут развиваться две тенденции - глобализации и радикальной исламизации. Глобализация означает, что в силу объективных причин мусульманка неизбежно вовлекается в интернациональные светские формы деятельности (школьное и высшее образование, система коммуникаций, медицина и здравоохранение, музыкальная культура и стандарты поведения, формы проведения досуга, спорт). Это неизбежно сказывается как на мировоззрении мусульманки, так и на системе социальных отношений, в которые она вступает.

Радикальная исламизация означает появление «исламских женских движений, которые будут направлены на изменение общественной жизни с точки зрения исламских норм и ценностей»\*. Теперь необходимо честно признаться, что такого размаха, напора и скорости радикализации женского исламизма я в то время даже не могла предполагать.

Первые женские исламистские группы появились в ливанской шиитской организации «Хезболла», в египетской ассоциации «Братья-мусульмане», позднее - в палестинских джихадистских группах, ХАМАС, «Аль-Каида», но они еще не создавали свою собственную идеологию и отличные от мужчин политические программы\*\*.

В качестве главных причин женского терроризма эксперты-аналитики и ученые выдвигали личностные факторы: мотив мести за погибшего отца, брата, мужа, либо за саму себя, если женщина подвергалась унижениям или сексуальному насилию. Иногда женщина вступала в террористические группы, следуя за близким мужчиной или даже по принуждению семьи. Иными словами, это была, условно говоря, «вторичная» мотивация. Для нынешнего женского исламизма более характерна «первичная», т.е. самостоятельная мотивация, обусловленная их собственными религиозно-политическими взглядами.

Женская исламская активность достигла апогея в нынешнем столетии в связи с возникновением ИГ и провозглашением «халифата». Правда, еще в первом десятилетии нынешнего века начал выходить женский электронный журнал «аль-Хансаа» радикальной направленности. Так, в августе 2004 г. вышел номер, посвященный призыву к женскому джихаду. В публикациях и воззваниях говорилось, что наряду с традиционной женской ролью матери, воспитательницы, помощницы супруга возрастает ее значение как пропагандиста, проповедника, воительницы, солдаты джихада.

Женская активность как внутри самого ИГ, так и вокруг него, стала неожиданным феноменом для политиков, ученых, исламоведов во всем мире, в т.ч. и мусульманском. Во многом это объяснялось тем, что в западном мире, да и в России тоже, существовал прочный стереотип, согласно которому женщине не разрешается участвовать в джихаде. Между прочим, и сегодня имеются радикальные группы («Аль-Каида»), которые отвергают женский военный джихад.

В мае 2004 г. один из самых известных пропагандистов исламизма египетский шейх Юсуф Кардави выпустил фетву, согласно которой участие женщин в террористических актах является формой джихада, и она может участвовать в нем даже без согласия мужчины. С этого момента женский исламизм развернулся во всех направле-

\* Балтанова Г.Р. Мусульманка. М., Логос, 2007. С. 356.

\*\* Об этом говорится в публикации 2007 г. «Женщина в исламистских движениях: исламистская модель женской активности» Омайямы Абделлатиф и Марины Оттавей - двух исследовательниц Центра ближневосточных исследований Карнеги (прим. авт.).

ниях: в сфере военных действий, в политике, миграции, пропаганде, в образовании и даже здравоохранении.

Одним из ярких подтверждений этому феномену стал небольшой документ, появившийся в глобальной сети в марте 2015 г., - «Аль марра фи дауля исламийя (рисаля ва такрир)» - «Женщина в Исламском государстве (послание и конкретное исследование)». Под исламским государством имеется в виду конкретное «Исламское государство», объявившее в июне 2014 г. халифат. Манифест породил вокруг себя ожесточенные споры, в которых участвуют феминистки и фундаменталисты, глобалисты и исламисты-традиционалисты обоих полов.

Манифест появился на арабском языке, т.к. его целевая аудитория - это, в первую очередь, женское население стран Аравийского полуострова. Однако довольно скоро последовал квалифицированный английский перевод с комментариями, запущенный в сеть британской антитеррористической организацией Киллиам (*Qilliam foundation*). Немного позже на одном из радикальных исламистских сайтов появился еще один «документ» - объявление джихада Киллиам.

Женский исламизм, который достиг апогея в новоявленном халифате, главный акцент делает на представлении о грядущем конце света. Причем в их прокламациях и заявлениях совершенно отсутствует, казалось бы, органичная женская потребность в сохранении мира и благополучия для своей семьи и близких. Как свидетельствует манифест исламисток, о рае на земле могут мечтать лишь те, кто не верит в рай на небесах.

Женский исламизм громко заявляет: не может быть никакого диалога ни с Западом, ни с остальным миром ислама, погрязшим в неверии и многобожии (*ширк*). Не может быть никакого взаимопонимания, т.к. понимание каждой из сторон строится на совершенно разных принципах. Не может быть никаких общечеловеческих ценностей, т.к. ценности у двух миров абсолютно разные.

Речь идет уже не о политическом исламе и не о радикализме, а о принципиально новой концепции роли женщины в обществе и ее статуса в семье. И хотя мы встретим в прокламациях исламисток такие понятия, как женское рабство, женская занятость и труд, женский джихад, женская хиджра, полигамия, хиджаб, *махр* (плата, вносимая за невесту), *талак* (развод) и проч., трактовка их в ИГ отличается.

Женская исламская миграция в ИГ - еще один феномен, порожденный исламистками. И дело здесь не столько в цифрах, сколько в том, что это результат продуманной стратегии ИГ, которая уже проявила себя достаточно эффективно и набирает обороты. Что касается самих цифр, то здесь размах значительный - от 20 тыс. до 200 тыс. мигрантов обоих полов. Среди них, по данным из разных источников, около 500 человек составляют женщины из европейских стран (по некоторым данным, только из Великобритании). Имеются случаи миграции девушек и женщин из России.

Говоря об эффективности антиисламистской контрпропаганды, необходимо учитывать, что исламистская информационная стратегия ведется адресно и прицельно. В связи с этим следует отметить необходимость усиления пропаганды на татарское население РФ, в особенности Республики Татарстан и Республики Крым, т.к. татары составляют самый многочисленный мусульманский народ в России.

По нашему мнению, необходимо провести масштабное социологическое исследование, которое позволит выявить целевую аудиторию и точки уязвимости, составить психометрический портрет потенциальных объектов информационной стратегии. Демографический и корреляционный анализ позволят определить динамику развития женской исламской активности, ее взаимосвязь с социально-политическими, экономическими процессами, влиянием информационных и коммуникационных технологий.

## Список литературы / References

1. Балтанова Г.Р. (2007). Мусульманка. М., Логос.
2. Балтанова Г.Р. (2015). Манифест мусульманских женщин // Высшее образование сегодня, № 5.
3. Балтанова Г.Р. (2015). Открытое письмо лидеру исламского государства // Азия и Африка сегодня, № 6.
4. Karam A. (1998) Women, Islamism, and the State. N.Y.: St. Martin's Press.
5. Bloom M. Terror's Stealth Weapon: Women // Los Angeles Times, 29.11.2005 - <http://www.latimes.com/news/opinion/commentary/la-oebloom29nov29,0,3416302.story?coll=la-news-comment-opinions>
6. Cunningham K.J. (2003) Cross-Regional Trends in Female Terrorism // Studies in Conflict and Terrorism. Vol. 26, pp. 171-195.
7. Mervat H. (2002) Gender and Islamism in the 1990s // Middle East Report. Vol. 222, Spring, pp. 44-47.
8. Omaina Abu Bakr (2001) Islamic Feminism: What Is in a Name? // Middle East Women's Studies Review. Winter/Spring.
9. United Nations Development Program, Arab Human Development Report, Empowerment of Arab Women, 2007; United Nations Development Program, 2005.
10. Abdellatif O. and Ottaway M. (2007) Women in Islamist Movements: Toward an Islamist Model of Women's Activism // Carnegie Middle East Center, № 26, June.
11. Islah J. (2010) Islamist Women of Hamas: Between Feminism and Nationalism // Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée [En ligne], 128, décembre 2010, mis en ligne le 15 décembre consulté le 23 avril 2015 - <http://remmm.revues.org/6971>